

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

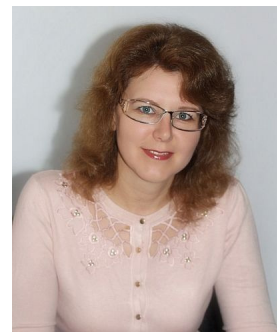
REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

УСМАНОВА Аделия Рустямовна

кандидат искусствоведения,
декан, старший преподаватель
кафедры теории и истории музыки
Астраханской государственной консерватории,
Астрахань, Российская Федерация

Adeliia R. USMANOVA

Cand. Sci. (Musical Art)
Astrakhan State Conservatory,
Astrakhan, Russian Federation,
adeliakult@gmail.com

УДК 398.8:[159.923.2:321.111] (=512.145) (=512.123)
ГРНТИ 03.61.91
ВАК 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006

**Музыкальный фольклор
юртовских татар и ногайцев-
карагашей Астраханской области
как маркер этнокультурной
идентичности**

**Musical Folklore of the Yurt Tatars
and the Nogai-Karagash
of Astrakhan Oblast as a Marker
of Ethnocultural Identity**

Основная проблема исследования: анализ влияния общих и особенных жанровых и стилевых характеристик этномызыкального наследия юртовских татар и ногайцев-карагашей на этнокультурную идентичность этих народов. Автором использованы собственные полевые данные и материалы, собиравшиеся на протяжении последних десятилетий исследователями культуры народов Нижнего Поволжья, а также результаты исследований этномыкологов, этнографов, этнологов, лингвистов и литературоведов. Раскрыты этноисторические аспекты изучаемой проблемы, проведены этномыкологические изыскания. Установлено, что общие моменты в музыкальной культуре изучаемых народов и проявляющиеся на собственно жанровом, музыкально-лексическом и исполнительском уровнях, выступают в качестве этнообъе-

диняющего признака, возникшего в ходе тесного межэтнического взаимодействия. Локальные же образцы произведений, их сюжеты и содержание носят уникальный характер для каждой рассмотренной этнической группы, выполняя этнодифференцирующую роль.

Ключевые слова: этномузыкология, идентичность, контактная зона, примордиализм, конструктивизм, Нижнее Поволжье, взаимодействие культур, юртовские татары, ногайцы-карагаши, музыкально-структурные параметры.

Необходимость укрепления российской гражданской идентичности приобретает в настоящее время особое значение на фоне нарастающего усложнения социокультурных условий, появления новых факторов общественного развития, актуализации различных вызовов, требующих от российского социума взвешенных и эффективных решений. Именно сплочение общества на основе гражданского самосознания является залогом устойчивого и успешного развития, при этом движущие силы такой консолидации могут формироваться в разных сферах общественной жизни, в том числе и в этнокультурном пространстве. Взаимодействие различных этнических культур, будучи направлено на достижение гуманистических целей и идеалов, несет в себе солидарный и объединительный потенциал.

Познание культуры других народов не только укрепляет взаимное уважение представителей различных этносов друг к другу, но и заставляет их по-новому взглянуть на свою собственную культуру, углубить и обогатить знания о ней, убедиться в сходстве, родстве или общности элементов культуры у многих народов России. Поэтому научное изучение этнических традиций, бытующих в различных сферах общественной практики, их сравнительный анализ, популяризация результатов этих исследований очень важны в аспекте межэтнической консолидации и формирования общегражданской идентичности. Определенную важность в данном аспекте представляют и этномузыкологические исследования.

В этномузыкологии, как отечественной, так и зарубежной, достаточно убедительных примеров, когда жанрово-стилевые признаки, музыкально-стилевые доминанты локальных традиций выступают в качестве средств этнической идентичности. Они же позволяют проследить многовековые традиции, историко-

культурные наслоения, межэтнические связи, особенно характерные для контактных полиэтнических зон.

В этом плане актуально высказывание петербургского исследователя Н. Ю. Альмеевой, которая справедливо отмечает следующее. «Сегодня, когда этномузыкология показала, что у нее есть свой путь в аргументации исторических корней и межэтнических связей во времени и пространстве, следовать буквально выводам историков, механически перенося их выводы на наш материал, не производя при этом аналитическую работу этномузыколога, будет уже некорректно. Опираясь на данные, а также на понятия исторических наук, не стоит уходить от музыки как предмета изучения и от музыковедческих аргументов» [1, с. 103], нужно понимать важность этномузыкологии как инструмента познания этнической культуры.

Неоценимый вклад в развитие музыкальной фольклористики и раскрытие феномена идентичности устной музыкальной традиции внесли этномузыкологи, преемники позиций И. И. Земцовского, сотрудники Российского института истории искусств.

Так, Н. Ю. Альмеева, специалист по этноконфессиональной группе татарского этноса — татар-кряшен, в своих работах доказывает, что «музыкально-структурные параметры традиционного пения способные показать родство этносов» [2, с. 161].

Исследователь туркменской обрядовой и музыкальной традиций Н. Н. Глазунова отмечает, что фольклор занимает особое место «как центральная зона культурной традиции, как квинтэссенция опыта жизни людей, философии, культуры, духовных ценностей, сосуществования и выживания в разных исторических условиях, как своеобразный маркер этнокультурной идентичности» [15, с. 4].

В народной традиции, по мнению А. В. Ромодина, «обнаруживаются разнообразные идентичности, например, возрастные, гендерные, групповые, диалектные, локальные, национальные...» [23, с. 36].

У астраханских этномузыкологов также есть опыт обращения к музыкальному фольклору в контексте этнической истории [29] [30]. В частности, М. Г. Хрущева определяет единство и целостность фольклора сложившейся художественной системой и рассматривает удмуртский фольклор «в контексте художественного сознания этноса» [30] [31].

Таким образом, накопленный исследовательский опыт позволяет с определенной уверенностью обращаться к образцам традиционного музыкального творчества как к маркерам этнической идентичности, однако следует отметить, что попыток выявления общих элементов музыкальной культуры народов Нижнего Поволжья в аспекте отражения их общности на уровне этнокультурных контактов и этнического самосознания до сих пор предпринято не было.

Данное исследование предполагает раскрытие общих и особенных жанровых и стилистических характеристик этномузыкальных традиций юртовских татар и ногайцев-карагашей — народов, схожих в этноязыковом отношении, и анализ влияния упомянутых общих признаков на этнокультурную идентичность этих народов.

Реализация исследовательского замысла опирается на широкий круг материалов, среди которых следует выделить полевые данные, собиравшиеся на протяжении последних десятилетий исследователями традиционной культуры народов Нижнего Поволжья [9] [12] [13] [14]. Немалую роль сыграли и полевые данные, собранные автором в 1997–1998 гг. в Астрахани и населенных пунктах, традиционно считающихся селами юртовских татар (с. Татарская Башмаковка, с. Три Протока, с. Кулаковка, с. Килинчи, с. Осыпной Бугор) [22] [29].

Феномен идентичности является объектом внимания в различных гуманитарных науках. В истории, этнологии, социологии термин «идентичность» связан со следующими теоретическими направлениями: примордиализм (в котором этнос понимается как объективная

данность, а родовая идентичность подчеркивается на основе этнокультурных признаков) и конструктивизм (в котором этнос выступает как «пример воображаемого сообщества») [8, с. 7] [10, с. 58].

До 1990-х гг. примордиалистское направление, яркими представителями которого принято считать Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея, было единственным. В рамках второго направления — конструктивизма — «этничность предстает как вымышленный конструкт, поскольку коренится в мифах, ценностях, символах, создаваемых обществом и постоянно меняющихся» [16, с. 105]. Сторонником такой трактовки предмета науки считают прежде всего В. А. Тишкова, который в статье «От этноса к этничности и после» рассматривает обращение к феномену этничности в различных дисциплинах: антропологии и этнологии, археологии, истории, социологии, философии, культурологии, политологии и философии, педагогике, отмечая, что «этническая проблематика, выходящая за рамки биологии, требует синтеза знаний многих научных дисциплин» [28, с. 16].

В этом замечательном перечне наук не встречается музыкальная фольклористика, в то время как ведущие этномузыкологи рассматривают музыку устной традиции различных этносов в контексте этногенеза. Так, подчеркивая необходимость комплексности изучения этногенеза, И. И. Земцовский при выявлении тех или иных этнических связей в качестве необходимого компонента выделяет музыку наравне с историей, археологией, этнографией, антропологией. И в данном случае в качестве «исторических источников», смыслового явления выступает «звуковая материя», музыкальная интонация. Музыкальные формулы с характерными ладовыми, ритмическими компонентами формируются в «музыкально-фольклорные типы» [17].

Таким образом, в контексте изложенного оптимальной методологической основой для исследования служит подход, базирующийся на конструктивистских установках, где этническая идентичность предстает конструктом, на формирование которого оказывают свое влияние многочисленные факторы, в том числе и традиционная музыкальная культура.

Степень этого влияния представляется достаточно весомой для того, чтобы эта культура служила маркером этнического самосознания.

Другим основанием избранной методологии, непосредственно относящимся к объективной составляющей изучаемой проблемы, служит транскультурный диффузионизм, характеризующий развитие культуры как результат заимствований, производящихся данным народом у других.

В силу сложности избранной для изучения проблемы комплекс конкретных методов исследования включал в себя как инструменты, применяемые в этноисторических исследованиях (сравнительно-исторический метод в его историко-диффузионном преломлении, а также метод исторической реконструкции), этномузыкологии (методы структурного и стиливого анализа народной музыки, ареальный метод изучения традиций устной музыкальной культуры), так и ряд практических приемов, характерных для полевых изысканий (интервью, наблюдение и т.д.).

В структурном отношении исследование состоит из двух последовательных этапов: на первом из них раскрываются этноисторические аспекты изучаемой проблемы, на втором — проводятся этномузыкологические изыскания. На завершающей стадии исследования будет определен характер влияния межкультурного взаимодействия в сфере традиционного музыкального творчества на этническую идентичность представителей двух изучаемых народов.

Музыкальный фольклор, неразрывно связанный как с этнической историей, так и отражающий межэтнические и этнокультурные связи и взаимовлияния того или иного региона, выступает в качестве мощной верифицирующей базы, объясняющей многие факты в историко-культурном развитии этноса.

Особенно актуальным данный довод представляется в сложных контактных зонах с полиэтничным населением, основные массивы которых представлены в регионах России, а также в ближнем зарубежье.

Нижнее Поволжье и, в частности, Астраханский край — полиэтничный регион со своей многослойной этнокультурной историей, заселение которого началось еще в древно-

сти, включает в себя фольклорные традиции разных этнических групп, переплетающихся на протяжении столетий. В XVI в. в левобережье Волги русским населением (стрельцами и донскими казаками) была основана Астрахань. К этому же периоду относится освоение степных пространств юртовскими татарами и с XVII в. — калмыками. Юртовские татары, наименование которых происходит от термина «*gurt*», проживавшие в поселениях [13, с. 3], впервые были зафиксированы в XVI в. англичанином Кристофером Бэрроу [3, с. 46] и, в силу данного факта, относятся к наиболее ранним по возникновению.

Далее с XVII в. на астраханской земле происходит заселение волго-уральскими татарами-переселенцами и начинают кочевать туркмены и ногайцы-карагаши. В частности, массовое появление туркмен связано с миграцией туркменских племен на Северный Кавказ. А ногайцы-карагаши поселились в Красноярском уезде Астраханской губернии после миграции с Кубани. С 1801 по 1803 гг., после разрешения императора Павла I, длилось переселение казахов в междуречье р. Волги и р. Урала [4] [6] [7] [11] [12] [13] [26] — потомков казахов Букеевской, или Внутренней Орды.

Тесному взаимодействию и развитию региональных связей способствовали совместные перекочевки, полукочевой образ жизни, миграционные процессы. Межэтнические связи и отношения были отмечены исследователями XIX в. В частности, П. И. Небольсин отмечал близость обычаев туркмен и ногайцев-карагашей [20, с. 51]. Взаимодействие в этнокультурном и хозяйственном плане происходило на протяжении веков и продолжилось в XX в. Житель села Фунтово Астраханской области, поэт, краевед Ш. У. Таганиязов писал о том, что определенная часть туркмен човдурских племен растворилась среди ногайцев Кавказа, ногайцев-утаров, юртовских ногайцев [27, с. 3]. Полукочевой образ жизни способствовал контактам туркмен с ногайцами-карагашами [7, с. 12] [13]. Тесное переплетение истории и культуры астраханских ногайцев и казахов восходит к 1801 г., после присоединения к России Букеевской орды. Историческое взаимодействие ногайцев с астрахан-

скими татарами отмечалось Р.Х. Керейтовым [18, с. 96].

Не менее тесными оказались связи юртовских татар со средневожскими татарами-переселенцами. В XVIII в. С.Г. Гмелин писал об «астраханских мещанах», обосновавшихся в городском районе «махалля». Из переселенцев Казанской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Рязанской губерний формировалось городское население татар (См. [5]). Юртовские татары испытывали их влияние в бытовой сфере, а средневожские — влияние юртовцев в хозяйственной деятельности и культуре.

Взаимовлияние происходило не только на уровне языковой и бытовой сфер, хозяйственной деятельности, но и в области духовной культуры. Об этом свидетельствуют как вокально-музыкальные жанры, так и пласт инструментального фольклора, выявляющие общие признаки для юртовских татар и ногайцев-карагашей. Жанрово-стилистические признаки выступают в качестве верификационной базы при выявлении закономерностей развития культурного процесса, подводят к определению Астраханской области как «историко-культурной зоны» (ИКЗ) (определение В.А. Лапина). Для подобного ареала характерно сочетание и утверждение воспринятых устойчивых традиций в качестве «своих» [19, с. 36].

В этом контексте становится понятной позиция исследователей-философов, допускающих, что «понятие идентичности акцентирует внимание на возможностях и условиях самоопределения человека, которое осуществляется в процессе взаимодействия с возрастающим множеством разнообразных социальных общностей, причастность к которым уже не рассматривается как прирожденная или жестко предписанная» [24, с. 63].

Обобщенное употребление до XX в. термина «татары» применительно к различным этническим группам, проживающим на территории региона, внесло определенные коррективы в их самоопределение. Так, в источниках XVI–XIX вв. юртовских татар называли «ногаи», «татары», «ногайские татары», а татарами — ногайцев, туркмен, казахов; ногайцев-карагашей также называли «кун-

дровскими татарами» [26, с. 23]. И если позже туркмены и казахи четко осознали свою причастность к этносам основных массивов расселения, то юртовские татары и ногайцы-карагаши подошли к проблеме самоидентификации лишь в третьей четверти XX в. С началом процесса становления национального самосознания в конце 1980-х гг. карагаши стали себя называть либо ногайцами — *ногайлар*, либо карагашами — *карагашлар*. Таким образом, можно предположить, что процесс формирования этнической идентичности, сопровождающийся осознанием своей принадлежности к определенному этносу у юртовских татар и ногайцев-карагашей ведет свое начало с 1980-х гг. Отметим, что если ногайцы-карагаши в настоящее время четко осознают свою принадлежность к ногайскому этносу (во многом благодаря деятельности созданного в 1991 г. ногайского общества «Бирлик» и в 2003 г. молодежного центра ногайской культуры «Эдиге»), то процесс самоидентификации у юртовских татар продолжается в настоящее время.

Еще более сложным элементом является этническое самосознание, которое выражается в выборе своего этнонима. Так, часть юртовских татар, жители сел Татарская Башмаковка, Яксатово, Три Протока называют себя «нугаями» либо ногайскими татарами. Ногайцы-карагаши определяются как ногайцы — «*ногайлар*». Средневожские татары-переселенцы продолжают осознавать свою принадлежность к татарскому этносу, несмотря на продолжительную длительность проживания в юртовских селах. К примеру, при опросе в процессе полевых экспедиций обрядовых (похоронно-поминальных) действий они отрицали некоторые из них: «*ул нугайларда шундый гэдэт бар, бездэ юк*» («этот обряд есть у ногайцев, у нас нет») [22].

Суммируя вышеизложенное, подчеркнем, что юртовские татары, ногайцы-карагаши, средневожские татары при их этнокультурных контактах и взаимодействии (что отражается в том числе и в жанрово-стилевых признаках музыкального фольклора) четко осознают собственные этнокультурные и этнические особенности, сохраняя свои языковые диалекты.

В частности, хотелось бы остановиться на двух уникальных жанрах, бытующих одновременно у юртовцев и карагашей: эпическом жанре «хушаваз» и инструментальном жанре «разговора на саратовской гармонике» — «сазда сойлэшу» («разговор на сазе»).

Хушаваз / кошаваз («приятный голос») — повествовательный жанр, «художественное поэтическое эссе» [14, с. 16]. Кроме юртовских татар он не характерен более ни для одной этнической / этноконфессиональной группы татар, что, казалось бы, дает возможность выделить его в качестве уникального и локального. Однако его бытование в традиции ногайцев-карагашей придает ему характеристики художественного явления, имеющего ареальное распространение.

Произведения этого жанра являются неотъемлемой частью праздников семейно-бытового цикла и характеризуются мужским исполнением с сопровождением на кобызе (в ранней традиции), позже на домбре, ситуативностью, сказительством. Бытование хушавазов сразу у двух групп, контактирующих и взаимодействующих между собой на протяжении столетий, позволяет выдвинуть его в качестве примера «фольклорного двуязычия» (категория В. А. Лапина), которое формирует на территории региона специфическую фольклорную среду [19, с. 30].

Общность проявляется на уровнях жанра, музыкальной лексики (стилистических средств) и исполнительства. Так, в обеих традициях в образцах хушавазов чаще встречаются лады минорного наклонения (иногда с фригийской ступенью в конце фразы), восходящий интонационно скачок и его нисходящее заполнение, минимальное количество слого-распевов [14, с. 22]. Из стабильных компонентов выделим восходящие терцовые (б.3, м.3), квартовые и квинтовые интонации.

При этом каждая из этнических групп сохраняет свою сюжетную и содержательную специфику. Так, исследователем Р. С. Бикановой в 1990-е гг. были зафиксированы более десяти вариантов ногайских текстов и напевов хушавазов разной тематики [9].

Наши экспедиционные данные середины 90-х гг. XX в. выявили общие жанры, объединяющие юртовских татар и ногайцев-карагашей,

и в музыкально-инструментальном фольклорном пласте. В частности, таким ареальным уникальным жанром можно считать «разговор на саратовской гармонике» (сазе) — *сазда сойлэшу*.

В Астраханском крае жанр «разговора» в татарской традиции впервые был зафиксирован во второй половине XX в. средневожским фольклористом-исследователем М. Н. Нигмедзяновым. В частности, он отмечал «что определенные мелодико-ритмические формулы выражают конкретный смысл, конкретные слова, понятные жителям какого-либо населенного пункта, членам одной семьи или даже только двум-трем людям» [21, с. 117]. Наши экспедиционные данные показывают, что «разговор» служил своеобразным способом общения для юношей и девушек, открытые встречи которых не поощрялись.

Специфика инструментальной музыки в юртовской и ногайско-карагашской традиции обусловлена особенностями обрядовой культуры. Упоминания о саратовской гармонике возникли позже, чем о кобызе и домбре, они встречаются у путешественников XIX в. в связи со свадебными церемониями у юртовских татар. В этой народной традиции долгое время сохранялись целые инструментально-хореографические комплексы. Позже, в XX в. саратовская гармоника укрепилась также в культуре астраханских туркмен с. Фунтово, казахов с. Семибугры.

Ногайцы также считают гармонику своим инструментом, называя ее «ногайской гармошкой». Так, исследователи из Черкесска М. К. Султанбекова и М. М. Джазова, изучая роман Б. Абдуллина «В плену богатства», созданный в 1934 г., отмечают особую роль этого инструмента: «Ногайская девушка по-своему играет на гармошке, она на ней сыграет то, что не может сказать словами, она похвалит своего друга и поругает недруга. На всем белом свете только ногайки могут так общаться с музыкой. Поэтому отец девушки покупал ей гармошку еще в раннем детстве. Когда ее сватали, жених тоже дарил гармошку» [25, с. 341].

Такая трактовка саратовской гармоники — в качестве средства выражения «языка формульного мышления» (термин И. И. Земцовского), с помощью которого происходило

общение,— совпадает с экспедиционными данными, собранными автором статьи в селах юртовских татар (с. Татарская Башмаковка, с. Три Протока, с. Килинчи, с. Осыпной Бугор). Скорее всего, отсюда и возникло название жанра «разговор на сазе». Кроме того, согласно воспоминаниям старожилов с. Три Протока Приволжского района Ажимбая Басыровича Губайдуллаева и Майсары Хакимовны Умеровой, с помощью «разговора» могли общаться не только юноши и девушки, подруги, но и соседи, сельчане, проживающие на разных улицах.

В конце прошлого столетия этномузыковедом Р. С. Бикановой от карагашских исполнителей «разговора» были получены свадебные приуроченные образцы *сазда сойлэшу* [9, с. 56]. Например, связанные с праздничным настроением сватов: «*Кодалар заркылма кий*»; с разговором подружек невесты: «*Кызлардан тойда монгланып, сазбан ойнап сойлеген кий*» («На девичьей свадьбе душевных посиделок наигрыш») [9, с. 56]. Эти образцы, несмотря на общность жанра, отличаются от юртовских и демонстрируют жанрово-стилистическую локальность и уникальность.

Объединяющими для обеих традиций являются мелодические формулы гемитонной основы, скачковые восходящие интонации в объеме сексты и квинты, постепенно заполняющиеся нисходящим движением. В ладовой организации отметим автономность соотношения двух опорных тонов: основного и лежащего на секунду выше неустоя.

Юртовские и ногайско-карагашские инструментальные наигрыши не имеют песенного источника, могут быть как приуроченными, так и неприуроченными, они объединены уникальным жанром *сазда сойлэшу*. При этом отметим преобладающую в инструментальном исполнении как юртовских, так и карагашских исполнителей импровизационность, обеспечивающую определенную систему «высказывания, ограниченную порождающими ее моделями, но не препятствующую переходу из одной модели в другую» [31, с. 79].

В стилистическом плане характерны следующие доминантные признаки: типовые мелодические формулы-интонации, узкообъемность амбигуса, устойчивые ритмоформу-

лы. В ладовой организации — преобладание гемитонных (диатонических) структур.

В тоже время у каждой из групп сохраняются свои локальные образцы, объединяющие их с основным массивом этноса.

Сравнительный анализ жанров музыкального фольклора юртовских татар и ногайцев-карагашей, как вокального, так и инструментального пластов, показал, что общие моменты, присутствующие в них и проявляющиеся на собственно жанровом, музыкально-лексическом и исполнительском уровнях, имеют непосредственное отношение к этнической идентичности этих народов, выступая в качестве этнообъединяющего признака, возникшего в ходе тесного межэтнического взаимодействия. Универсальность музыки как вида искусства позволяет ей выступать в качестве основы этнической коммуникации, что может объяснить многочисленность взаимных музыкальных заимствований у этносов, живущих в непосредственной близости друг от друга. В то же время ряд выявленных особенностей музыкального фольклора свидетельствует о том, что локальные образцы произведений, их сюжеты и содержание в традиционном наследии каждой рассматриваемой этнической группы все же зачастую носят уникальный характер, играя таким образом этнодифференцирующую роль.

Вместе с тем установленное наличие общности жанров и стилей позволяет утверждать, что эта общность — одна из элементов, формирующих региональную традиционную музыкальную культуру, а сами фольклорные произведения являются превосходными образцами устного творчества, которые обогащают сокровищницу нематериального культурного наследия народов России.

Основная идея исследования заключалась в том, чтобы впервые выявить и проанализировать влияние схожих компонентов этнической культуры двух родственных в языковом отношении народов на их этническую идентичность. Рассмотрение жанров музыкального фольклора юртовских татар и ногайцев-карагашей, как вокального, так и инструментального пластов, позволило выявить жанрово-стилевые общие признаки, бытующие при сохранении своих локальных,

обнаружить универсалии регионального стиля музыкально-фольклорной традиции, расширить научные представления о феномене «фольклорного двуязычия», межкультурной интеграции на примере такой сложной контактной зоны, какой является регион Нижнего Поволжья.

В заключение следует отметить, что анализ музыкальной культуры устной традиции в аспекте ее влияния на формирование этнической идентичности (особенно в таком поли-

этническом регионе, как Астраханская область) представляет собой весьма перспективное предметное поле для будущих исследований. В частности, продолжение изучения рассмотренной проблемы возможно в направлении поиска общих стилевых и жанровых элементов в музыкальном наследии других проживающих в регионе этносов, что будет, кроме того, способствовать построению общей модели региональной традиционной музыкальной культуры.

Adeliia R. USMANOVA

Cand. Sci. (Musical Art),
Astrakhan State Conservatory,
Astrakhan, Russian Federation,
adeliakult@gmail.com

Musical Folklore of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash of Astrakhan Oblast as a Marker of Ethnocultural Identity

Abstract. The study aims to describe the common and unique genre and style characteristics of the ethnomusical heritage of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash, peoples similar in ethnolinguistic terms, and to analyse the influence of these common characteristics on their ethnocultural identity. The basis for the research was the field materials collected over the past decades by researchers of the traditional culture of the peoples of the Lower Volga region and the results of research by ethnomusicologists, ethnographers, ethnologists, linguists, and literary scholars. Of great importance are the field data the author collected in Astrakhan and in settlements previously traditionally considered villages of the Yurt Tatars. The methodological basis is an approach within a constructivist framework where ethnic identity is seen as a construct formed under the influence of numerous factors, including traditional musical culture. Another methodological basis directly related to the objective component of the problem under study is transcultural diffusionism. The research consists of two successive stages: the first reveals the ethnohistorical aspects of the problem, the second presents the ethnomusicological research. At the first stage, the author (1) reconstructs the process of settling the Lower Volga region from the Middle Ages to the beginning of the 19th century, (2) reveals the features of contacts between the ethnic groups inhabiting the region, (3) determines the features of the peoples' ethnic self-identification, which intensively developed in the last quarter of the 20th century, and (4) identifies the modern level of the development of the ethnic identity of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash. At the second stage, the author carries out ethnomusicological analysis of two genres characteristic of both the Yurts Tatars and the Nogai-Karagash: the epic khushavaz and the instrumental sazda soyleshu genres. The comparative analysis of the genres shows that the common features at the genre, musical-lexical and performing levels are directly related to the ethnic identity of these peoples and are ethno-uniting features that developed during close interethnic interaction. Local samples of works, their plots and content are often unique for each ethnic group and thus play an ethno-differentiating role.

Keywords: ethnomusicology, identity, contact zone, primordialism, constructivism, Lower Volga Region, interaction of cultures, Yurt Tatars, Nogai-Karagash, musical and structural parameters.

Использованная литература:

1. Альмеева Н. Ю. Татарский музыкальный фольклор: аспекты этнической идентичности // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 97–110.
2. Альмеева Н. Ю. Финно-угры, тюрки: вопросы этнической идентичности фольклорных мелодий в Волго-Камском регионе // Культура, искусство: ежегодник финно-угорских исследований. Т. 11. Вып. 2. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2017. С. 161–168.
3. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю. В. Готье. М.: Соцэкгиз, 1937.
4. Арсланов Л. Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя. Набережные Челны: Камаз, 1995.
5. Арсланов Л. Ш. Язык карагашей-ногайцев Астраханской области (Грамматический очерк. Тексты и переводы. Словарь). Набережные Челны: Изд-во Елабужского гос. пед. ун-та, 1992.
6. Астраханские казахи. История и современность. Астрахань: Волга, 2000.
7. Астраханские туркмены: история и современность / сост. и отв. ред. А. В. Сызранов. Астрахань: Новая линия, 2012.
8. Байбурин А. К. Этническая идентичность и конструирование категории «национальность» // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 7–16.
9. Биканова Р. С. Музыкальный фольклор астраханских ногайцев-карагашей (музыкально-этнографический аспект): дипломная работа. Астрахань: Астраханская гос. консерватория, 1998.
10. Бухаева А. О концепциях национальной идентичности // Адам элэми – Мир человека. 2005. № 3. С. 50–68.
11. Викторин В. М. Интерстадиал (к перерыву постепенности этнического развития при присоединении Нижнего Поволжья к Российскому государству) // Материалы IV краеведческой конференции / отв. ред. Е. В. Шнайдштейн. Астрахань: б. и., 1991. Ч. 1. С. 46–50.
12. Викторин В. М. «Кто мы, астраханцы?» (У этнической карты области) // Астраханские известия. 1994. № 10–14 (166–170); № 21 (177). № 27 (183).
13. Викторин В. М. Предисловие // Сиражетдинов Ш. К. История села Ново-Булгары Астраханской области. Астрахань: Волга, 2001.
14. Гайнулина Н. Г. Эпическая традиция ногайских татар Астраханской области: автореф. ... канд. искусствоведения. Казань: Казанская гос. консерватория, 2003.
15. Глазунова Н. Н. О IV Международной Школе молодых фольклористов // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 4–6.
16. Грошева Г. В. Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (история, этнология). 2006. Вып. 1 (№ 52). С. 104–110.

References:

1. Al'meeva, N.Yu. (2014) Tatarskiy muzykal'nyy fol'klor: aspekty etnicheskoj identichnosti [Tatar Musical Folklore: Aspects of Ethnic Identity]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 97–110.
2. Al'meeva, N.Yu. (2017) Finno-ugry, tyurki: voprosy etnicheskoj identichnosti fol'klornykh melodiy v Volgo-Kamskom regione [The Finno-Ugric Peoples, the Turks: Issues of Ethnic Identity of Folk Melodies in the Volga-Kama Region]. In: *Kul'tura, iskusstvo: ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Culture, Art: A Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol. 11 (2). Izhevsk: Udmurt State University. pp. 161–168.
3. Rubinshteyn, N.L. (ed.) (1937) *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [Sixteenth-Century Foreign Travel Accounts to Muscovy]. Translated from English by Yu.V. Got'e. Moscow: Sotsekizgiz.
4. Arslanov, L.Sh. (1995) *Tatary Nizhnego Povolzh'ya i Stavropol'ya* [Tatars of the Lower Volga and Stavropol Regions]. Naberezhnye Chelny: Kamaz.
5. Arslanov, L.Sh. (1992) *Yazyk karagashey-nogaytsev Astrakhanskoy oblasti (Grammaticheskiy ocherk. Teksty i perevody. Slovar')* [The Language of the Karagash-Nogais of Astrakhan Oblast (Essay on Grammar: Texts and Translations. Dictionary)]. Naberezhnye Chelny: Elabuga State University.
6. Urastaeva G.D. (ed.) (2000) *Astrakhanskije kazakhi. Istorija i sovremennost'* [Astrakhan Kazakhs. History and Modernity]. Astrakhan: Volga.
7. Syzranov, A.V. (ed.) (2012) *Astrakhanskije turkmeny: istoriya i sovremennost'* [Astrakhan Turkmens. History and Modernity]. Astrakhan: Novaya liniya.
8. Bayburin, A.K. (2014) *Etnicheskaya identichnost' i konstruirovaniye kategorii "natsional'nost"* [Ethnic Identity and the Construction of the Category "Nationality"]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 7–16.
9. Bikanova, R.S. (1998) *Muzykal'nyy fol'klor astrakhanskikh nogaytsev-karagashey (muzykal'no-etnograficheskiy aspekt)* [Musical Folklore of the Astrakhan Nogai-Karagash (Musical and Ethnographic Aspect)]. Specialist Degree Thesis. Astrakhan State Conservatory.
10. Bukhaeva, A. (2005) *O kontseptsiyakh natsional'noy identichnosti* [On the Concepts of National Identity]. *Adam elemi – Mir cheloveka*. 3. pp. 50–68.
11. Viktorin, V.M. (1991) [Inter-Stage Period (To a Pause in the Gradualness of Ethnic Development During the Accession of the Lower Volga Region to the Russian State)]. *Conference Proceedings*. Part 1. Astrakhan: [s.n.]. pp. 46–50. (In Russian).
12. Viktorin, V.M. (1994) "Kto my, astrakhantsy?" (U etnicheskoj karty oblasti) ["Who Are We, the Astrakhan People?" (At the Ethnic Map of the Region)]. *Astrakhanskije izvestiya*. 10–14 (166–170); 21 (177). 27 (183).
13. Viktorin, V.M. (2001) *Predislovie* [Foreword]. In: Sirazhetdinov, Sh.K. *Istorija sela Novo-Bulgary Astrakhanskoy*

17. Земцовский И. И. Этническая история и музыкальный фольклор // Славяне. Этногенез и этническая история / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 25–31.
18. Керейтов Р. Х. О культурном взаимодействии народов Юга России в этнической истории ногайцев // Развитие и взаимодействие национальных культур как фактор стабильности межэтнических отношений в полиэтническом регионе: материалы Всерос. науч.-практ. конф. / ред. А. В. Сызранов. Астрахань: Астраханский пед. ун-т, 2000.
19. Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология: сб. науч. ст., посвящ. 60-летию И. И. Земцовского / отв. ред. и сост. Н. Ю. Альмеева. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2002. С. 28–39.
20. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1852.
21. Нигмедзянов М. Н. Народные песни волжских татар. Исследование. М.: Советский композитор, 1982.
22. Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Осыпной Бугор Приволжского р-на Астраханской обл. Август 1997 г. (информант: Мухамедова Миннибану, 1934 года рождения).
23. Ромодин А. В. Идентичность музыканта в контексте народного профессионализма // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Междунар. Школы молодых фольклористов / сост. Н. Н. Глазунова. СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 2014. С. 36–43.
24. Сергейчик Е. М. Историческая идентичность: территория и карта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 1. С. 63–71.
25. Султабекова М. К., Джазова М. М. Ногайская проза начала XX века. Басир Абдуллин // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Черкесск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У. Д. Алиева, 2016. С. 341–345.
26. Сызранов А. В. Ислам в Астраханском крае: история и современность. Астрахань: Астраханский университет, 2007.
27. Таганязов Ш. У. Туркмены в России // Приволжская газета. 2001. № 93, 94. С. 3.
28. Тишков В. А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
29. Усманова А. Р. Этническая культура и музыкальный фольклор тюркоязычных групп Астраханской области (Взаимодействие. Взаимовлияние. Параллели): монография / науч. ред. Н. Ю. Альмеева. Астрахань: Колор, 2014.
30. Хрущева М. Г. Песенно-обрядовая традиция удмуртов в контексте этнической истории. Музыкально-этнографические очерки. Астрахань: Астраханский университет, 2008.
31. Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. М.: Композитор, 2001.
- oblasti* [History of the Settlement Novo-Bulgary in Astrakhan Oblast]. Astrakhan: Volga.
14. Gaynullina, N.G. (2003) *Epicheskaya traditsiya nogayskikh tatar Astrakhanskoy oblasti* [Epic Tradition of the Nogai Tatars of Astrakhan Oblast]. Abstract of Art History Cand. Diss. Kazan': Kazanskaya gos. konservatoriya.
15. Glazunova, N.N. (2014) O IV Mezhdunarodnoy Shkole molodykh fol'kloristov [On the IV International School of Young Folklorists]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 4–6.
16. Grosheva, G.V. (2006) Kategorii etnosa i etnichnosti v sovremennom nauchnom diskurse [Categories of Ethnos and Ethnicity in Modern Academic Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (52). pp. 104–110.
17. Zemtsovskiy, I.I. (1989) *Etnicheskaya istoriya i muzykal'nyy fol'klor* [Ethnic History and Musical Folklore]. In: Gerd, A.S. & Lebedev, G.S. (eds) *Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya* [The Slavs. Ethnogenesis and Ethnic History]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 25–31.
18. Kereyrov, R.Kh. (2000) [On the Cultural Interaction of the Peoples of the South of Russia in the Ethnic History of the Nogais]. *Razvitie i vzaimodeystvie natsional'nykh kul'tur kak faktor stabil'nosti mezhetnicheskikh otnosheniy v poliethnicheskom regione* [Development and Interaction of National Cultures as a Factor of Stability of Interethnic Relations in a Multi-Ethnic Region]. Conference Proceedings. Astrakhan: Astrakhan Pedagogical University. (In Russian).
19. Lapin, V.A. (2002) *Fol'klornoe dvuyazychie: Fenomen i protsess* [Folklore Bilingualism: Phenomenon and Process]. In: Al'meeva, N.Yu. (ed.) *Iskusstvo ustnoy traditsii. Istoricheskaya morfologiya: sb. nauch. st., posvyashch. 60-letiyu I. I. Zemtsovskogo* [Art of Oral Tradition. Historical Morphology: Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of I.I. Zemtsovskiy]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 28–39.
20. Nebol'sin, P.I. (1852) *Ocherki Volzhskogo nizov'ya* [Essays of the Volga Lower Reaches]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva vnutrennikh del.
21. Nigmedzyanov, M.N. (1982) *Narodnye pesni volzhskikh tatar. Issledovanie* [Folk Songs of the Volga Tatars]. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
22. Author's Field Materials. Expedition to the Settlement Osypnoy Bugor, Privolzhskiy District, Astrakhan Oblast. August 1997. (Informant: Minnibanu Mukhamedova, b. 1934).
23. Romodin, A.V. (2014) *Identichnost' muzykanta v kontekste narodnogo professionalizma* [Identity of a Musician in the Context of Folk Professionalism]. In: Glazunova, N.N. (ed.) *Fol'klor i etnokul'turnaya identichnost': materialy IV Mezhdunar. Shkoly molodykh fol'kloristov* [Folklore and Ethnocultural Identity: Materials of the IV International Schools for Young Folklorists]. St. Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 36–43.
24. Sergeychik, E.M. (2016) *Historical Identities: Territory and Map. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 17. Filosofiya. Konfliktologiya. Kul'turologiya*.

Religiovedenie – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies. 1. pp. 63–71. (In Russian).

25. Sultabekova, M.K. & Dzhazova, M.M. (2016) [Nogai Prose of the Early 20th Century. Basir Abdullin]. *Nogaytsy: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu* [The Nogais: 21st Century. History. Language. Culture. From the Origins to the Future]. Proceedings of the International Conference. Cherkessk: Karachay-Cherkess State University. pp. 341–345. (In Russian).

26. Syzranov, A.V. (2007) *Islam v Astrakhanskom krae: istoriya i sovremennost'* [Islam in the Astrakhan Region: History and Modernity]. Astrakhan: Astrakhan University.

27. Taganiyazov, Sh.U. (2001) *Turkmeny v Rossii* [The Turkmen in Russia]. *Privolzhskaya gazeta.* 93, 94. pp. 3.

28. Tishkov, V.A. (2016) From Ethnos to Ethnicity and After. *Etnograficheskoe obozrenie.* 5. pp. 5–22. (In Russian).

29. Usmanova, A.R. (2014) *Etnicheskaya kul'tura i muzykal'nyy fol'klor tyurkoyazychnykh grupp Astrakhanskoj oblasti (Vzaimodeystvie. Vzaimovliyanie. Paralleli)* [Ethnic Culture and Musical Folklore of the Turkic-Speaking Groups of the Astrakhan Oblast (Interaction. Mutual Influence. Parallels)]. Astrakhan: Kolor.

30. Khrushcheva, M.G. (2008) *Pesenno-obryadovaya traditsiya udmurtov v kontekste etnicheskoy istorii. Muzykal'no-etnograficheskie ocherki* [Song and Ritual Tradition of the Udmurts in the Context of Ethnic History. Musical and Ethnographic Essays]. Astrakhan: Astrakhan University.

31. Khrushcheva, M.G. (2001) *Udmurtskaya obryadovaya pesennost'* [Udmurt Ritual Song]. Moscow: Kompozitor.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Усманова, А. Р. Музыкальный фольклор юртовских татар и ногайцев-карагашей Астраханской области как маркер этнокультурной идентичности / А. Р. Усманова // Наследие веков. – 2020. – № 3. – С. 76–86. DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006

Full bibliographic reference to the article:

Usmanova, A.R. (2021) Musical Folklore of the Yurt Tatars and the Nogai-Karagash of Astrakhan Oblast as a Marker of Ethnocultural Identity. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 3. pp. 76–86. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.27.3.006